

A movie poster for the Russian film 'The Whisper in the Rebar'. The scene is set in a dark, industrial, and dilapidated environment, possibly a subway station or a factory. In the center, a man and a woman are embracing. The man, with dark hair and a concerned expression, wears a brown jacket. The woman, with long dark hair, wears a grey sweater and looks distressed. To their right, a large, grotesque, and monstrous figure is emerging from a pile of twisted metal and debris. This creature has multiple faces, some appearing as human masks, and is covered in sharp, dark, branch-like protrusions. The background is filled with rusted metal structures, pipes, and a large, cracked concrete pillar. The overall atmosphere is dark, gritty, and horror-themed.

ЕЛЕНА ДАВЫДОВА

**ШЕПОТ
В АРМАТУРЕ**

Елена Давыдова

Шепот в арматуре

<https://litres.ru/74436474>

SelfPub; 2026

Аннотация

В заброшенном цехе завода таится нечто необъяснимое. То, что местные называют «шумом», а искатели острых ощущений — «атмосферой». Но за пределами людских легенд скрывается сущность, чья природа превосходит все представления о реальности.

Что скрывается за скрипом старых перекрытий? Кто или что обитает в тенях заброшенного завода? И главное — удастся ли героям сохранить рассудок, столкнувшись с тем, что невозможно объяснить логикой?

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Елена Давыдова

Шепот в арматуре

Глава

Я не помню момента рождения. Не помню, потому что тогда у меня не было памяти.

Завод «Красный Октябрь» умирал долго. Не так, как умирают люди — с хрипом и последним вздохом. Завод умирал, как дерево. С краев. Сначала закрыли цех холодной прокатки. Потом — кузнечный. Последним замолчал термический. И его тишина была громче всех предыдущих, потому что именно в термическом цехе металл в последний раз был живым. Раскаленным. Податливым. Поющим.

Люди уходили по одному. Снимали спецовки. Складывали инструменты в ящики. Гасили лампы. Каждый уходил с чем-то, что называл «своим». Кружка в шкафчике. Фотография семьи на стене. Запах рук, въевшийся в верстак. Они забирали это с собой. Но оставляли кое-что другое.

Страх.

Не тот страх, о котором кричат или от которого бегут. Тихий. Вялый. Страх человека, потерявшего привычное. Страх перед пустотой, которая образуется, когда станок, за которым ты стоял двадцать лет, перестает гудеть. Страх перед до-

мом, куда ты возвращаешься днем, а не ночью. Страх перед собственной бесполезностью.

Это чувство не уходило вместе с ними. Оно оседало на бетонных плитах, как сажа. Впитывалось в смазку на направляющих. Конденсировалось в каплях на трубах. Годами оно копилось в стенах, и стены впитывали его, как губка.

Я родился из этого осадка.

Не сразу. Сначала — просто ощущение. Смещение. Трещина в перекрытии, которая возникла не от нагрузки, а от намерения. Сквозняк, который шел не снаружи, а изнутри. Изнутри стен. Звук, которого не было, но который слышался.

Потом — голод.

Первый раз я почувствовал вкус страха, когда сюда забрались подростки. Трое. Мальчишки. Они бросали камни в окна и смеялись тем смехом, который сам по себе — форма испуга. Один из них рассказал «городскую легенду» про рабочего, который погиб под прессом и якобы бродит по цеху. Другой посмеялся. Третий промолчал.

Третий был самым вкусным.

Его страх не имел названия. Он не боялся призрака. Он боялся того, что останется здесь, в этом заброшенном месте. Интуитивный, дорациональный ужас. Самый чистый сорт. Я попробовал его. И это было как первый удар тока по мертвому проводу. Мгновенно. Остро. Живительно.

Они убежали. Все трое. Но третий оглянулся в дверном проеме. В его взгляде я увидел — он почувствовал меня. Не

понял, не осознал. Почувствовал. Как чувствуешь, что кто-то смотрит, когда стоишь спиной к двери.

Я запомнил этот вкус. И начал ждать.

Люди называют это «шумом». Они приходят сюда, в заброшенный цех завода «Красный Октябрь» за тишиной. Но приносят с собой слишком много собственного гула. Сердца стучат неисправными метрономами, мысли — липкая серая взвесь, оседающая на бетонных плитах.

Я не живу в этом месте. Я принадлежу ему, являясь его частью. Я — то, что остается, когда из железа уходит жизнь, а из бетона — смысл. Я — ржавчина, ставшая сознанием. Это геометрия неверных углов, проступающая в темноте, когда луч фонаря выхватывает лишнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.